

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕ ДЛЯ СЕБЯ

Зинаида Гиппиус

Не для себя

«Public Domain»

1894

Гиппиус З. Н.

Не для себя / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1894

«В комнате было весело, шумно. Готовили елку – завтра Рождество. Без елки Лёля не могла себе вообразить сочельника, а здешний сочельник уж и так нехороший, ненастоящий: целый день грело солнце, на улицах сухо и в зале отворяли окно. Лёля любила, чтобы уж если зима, то снег был бы и мороз, она привыкла к морозу дома, на севере. Здесь она иногда уставала от солнца и тепла...»

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Зинаида Гиппиус

Не для себя

Часть I

I

В комнате было весело, шумно. Готовили елку – завтра Рождество. Без елки Лёля не могла себе вообразить сочельника, а здешний сочельник уж и так нехороший, ненастоящий: целый день грело солнце, на улицах сухо и в зале отворяли окно. Лёля любила, чтобы уж если зима, то снег был бы и мороз, она привыкла к морозу дома, на севере. Здесь она иногда уставала от солнца и тепла.

Собралось уже много гостей. Пригласили и детей, но в залу их пока не пускали. Еще не совсем стемнело, но Лёля спустила портьеры, ей хотелось скорей вечера. Елка стояла посередине, темная и свежая. На столе лежали игрушки, яблоки и золоченые корбочки. Лёля вскакивала на стул, вешала апельсины, которые никак не хотели держаться, прикрепляла свечи. Высокий кадет ей помогал. С другой стороны два ученика старались привязать какую-то тяжелую бонбоньерку, что им никак не удавалось. Молодежь прибывала, и в зале становилось все шумнее. Особенно Лёля была весела: она радовалась елке и еще одному обстоятельству: сегодня первый раз пришел тот высокий, кудрявый ученик, что сидит в углу у рояля, смущенный и неловкий. Она дала себе слово, что он придет. Какой он смешной! Разве можно чуть не взрослому человеку так бояться мамаша? Ведь ему приятно здесь, ну и пусть идет туда, где ему приятно, он не ребенок. Право, этих мальчиков нужно учить быть людьми.

В углу на диване сидела мать Лёли, бледная, пожилая женщина, одетая в длинное черное платье. Лицо у нее было строгое, даже надменное. Она разговаривала с двумя гостями и с приятным блондином лет тридцати пяти, сидевшим около нее. Блондин был ее дальний родственник, дипломат. У него случились дела в том же южном городе, куда Аюнины переехали полгода назад для здоровья Лёли.

– Мама, елка готова. Я позову детей, – сказала Лёля и убежала.

Дипломат произнес: «Красиво», и склонил голову немного набок. «Прекрасная вещь для детей елка...»

Лёля уже вернулась и услышала последние слова.

– В самом деле? Какую вы новость сказали, Николай Николаевич! Да и не для детей только, а для меня, и для всех, и вообще елка чудная вещь. Лучше елки только танцы да верховая езда, а больше ничего нет.

– Верно говорите, тетушка, согласен. Давайте-ка ручки ваши.

Николай Николаевич звал Лёлю «тетушкой», хотя она ему приходилась какой-то троюродной племянницей, и беспрепятственно целовал у нее руки.

Когда елка потухла и дети разъехались, Лёля вздумала устроить танцы, потом фанты. Лёле было девятнадцать лет, и из всего общества она была старшая; только ее двоюродному брату Коле, ученику восьмого класса, минуло двадцать да кудрявому Васе было девятнадцать с половиной.

Школьник-поэт с длинным носом, с торчащими волосами отказался играть в фанты: он добыл где-то чернильницу, поставил ее на рояль и писал стихотворение. Он был влюблен в Лёлю и в этот раз писал уже шестое стихотворение.

Вася Гольдберг был красивее всех, и всем барышням он нравился. Когда вышел его фант и ему пришлось быть «исповедником», одна барышня, черноволосая и некрасивая, предложила: «Давайте признаемся ему все в любви, господа!»

– Он поверит, – сказала другая. Лёля засмеялась:

– А ты боишься? Тем лучше, что поверит.

– Решено. Я иду первая.

Комната Лёли, куда удалился Вася, была большая, уютная, с темными обоями и мягкими коврами. Вася сидел у стола, наклонив голову. Лёля отлично умела притворяться. Она притворилась смущенной.

– Я скажу вам только одну вещь... Не знаю, сочтете ли вы это грехом... Я скажу вам, что вы мне очень нравитесь, очень, больше, нежели вы думаете...

Он пристально смотрел на нее и казался удивленным.

– Это правда, Лёля?

– Правда... Я не скажу больше ничего...

И она хотела уйти. Он остановил ее.

– Так это правда?

– Да.

– Вы хотите, чтобы я вам тоже сказал. Я скажу... Да вы сами знаете... Лёля, вы можете любить? Мне казалось, что нет... А я вас так люблю...

– Я могу сказать на это: «Любила Чацкого когда-то, меня разлюбит, как его...» Помните Катю? (Катя была та самая черноволосая и некрасивая барышня, которая предложила игру в фанты и, по слухам, была отчаянно влюблена в Васю).

– Лёля, и вы можете сравнивать...

Но Лёля уже убежала. Ей было так весело, что она подшутила над Васей. Она не хотела, чтобы он догадался о заговоре, и поспешила переменить игру.

Вася вышел довольный собою и вечером. Ему нравилась Лёля и хотелось, чтобы она влюбилась в него. Она такая насмешница, все в нее влюбляются, а она ни в кого. «Вот если бы я мог, – думал Вася... – Да отчего я не могу ей понравиться? Смешно, если она влюбится в этого поэта Ренке или кадета глупого... Правда, ей не в кого было влюбляться, оттого она и не влюбилась»... Вася окончательно пришел в хорошее настроение и сильно возмечтал о себе. А по дороге домой насвистывал лезгинку.

II

Вася стал бывать у Аюниных каждую субботу. В первый раз после сочельника он шел с замиранием сердца: как-то Лёля его встретит? Обрадуется? Покраснеет? Ничуть. Она весела и смеется как прежде. А об исповеди точно совсем позабыла. Кокетничает с ним – но так же, как с другими; Николаю Николаевичу сама дает целовать руки, а стихи Ренке перевязала розовой лентой с длинными концами и положила на видное место.

Вася нахмурился, ушел сердитый и пропустил одну субботу. Она – опять ничего, даже не спросила. Вася начал задумываться, и Лёля ему стала еще больше нравиться.

А Лёля все помнила, только ей пока некогда было заниматься с Васей, другое дело случилось. Кузен привел товарища, угрюмого армянина, и держал с Лёлей пари, что этого она не расшевелит. Лёля пари выиграла, армянин ей надоел, она вспомнила о Васе, стала наблюдать за ним.

– Отчего вы такой грустный?

– Так, невесело.

– Отчего невесело?

– Так.

– Ай какой вы: весна наступает, экзамены, да? Оттого?
– Нет... Вы знаете...
– Глупости всё; скажите лучше, вы в какой университет пойдете?
– Я не пойду в университет.
– Как не пойдете?
– Я пойду в военную службу... Я хочу взять жизнь скорее... Зачем твердить то, что мне не нужно и что я все равно забуду? Нет...

Он остановился.

– Продолжайте, что ж вы? Лёля смотрела насмешливо.

«Фу ты, черт, кажется проврался», – подумал Вася.

– Нет, Лёля, простите... Теперь я уйду. У меня голова болит... Вот Ренке остается...

– Какой вы злой, Вася, уходите? Ну хорошо, только... знаете что? Приходите во вторник со скрипкой, поиграем; я еще не слышала, как вы играете. Никого не будет; хотите?

Вася согласился. А Лёля, ложась спать, была рассеяна и даже чуть не забыла написать несколько слов в дневнике. Лёля иногда сочиняла стихи и очень любила романы. Ей было досадно, что она выросла такая большая и ни разу не была влюблена. Даже когда она думала о другом, о жизни, о смерти или читала серьезную книгу, ей казалось, что все для нее было бы не так необъяснимо, если бы хоть один раз она была влюблена.

С мамой своей Лёля была далека. Она думала, что мама не любит ее. Она всегда такая ровная, спокойная. Вот когда еще папа не умер – Лёле весело жилось. Она его любимицей была, баловницей. С тех пор как он умер, Лёля стала совсем одинока; подруг у нее не было, только книжки да дневник остались. «Отчего мама не любит меня, как я ее люблю? – думала она часто еще маленькой девочкой, когда просыпалась вдруг ночью и лежала в темноте. – Может быть, я не родная дочь, подкидыш... Да, верно подкидыш... Оттого и не любит меня мама...» И Лёля горько плакала.

Марья Васильевна, Лёлина мать, была из старинного дворянского рода и к своим предкам относилась с почтением. Аюнин приходился ей дальним кузеном, имел состояние. Марье Васильевне минуло восемнадцать лет, когда она вышла за него. С виду она была спокойная и строгая, говорила мало, а что лежало у нее на душе – никто не знал. Она никогда ни к кому не выражала любви, даже случайно. Может быть, любовь, невысказанная, была еще сильнее и горячее. Лёля теперь, после смерти мужа, стала для нее дороже всего на свете. Она чувствовала, что дочь не понимает этого, что с каждым годом они становятся все более далекими и чуждыми; ей было больно, но она не могла помочь, Лёля и ее мать любили друг друга странно, не как мать и дочь, а глубже, эгоистичнее, и каждая думала, что она одна любит, без ответа. Они были обе одиноки. Едва ли даже случай мог помочь им: с годами они расходились все дальше. Им мешал стыд, гордость и привычка.

III

Вечером, когда Лёля сидела за какой-то скучной книжкой одна – приехал Николай Николаевич. Он влетел в комнату, веселый и развязный.

– Тетушка, ваши ручки. А я за вами приехал, едем кататься? Чудесная ночь. У меня экипаж с собой.

– Что вы, целый день дождь лил. Слякоть...

– Нет, вот вы увидите. От дождя все сразу распустилось, и пахнет как... Одевайтесь скорее.

Лёля пошла надевать пальто и думала о Николае Николаевиче. Он был один из тех людей, про которых все говорят: «Какой он хороший, умный, добрый, прекрасный человек». Но никто не любит его. Так думала про него и Лёля. Ей только не нравилось немного, что он слишком

часто говорит о своей карьере и десяти тысячах золотом, которые получает, да и вообще о себе; но он Лёлю очень баловал, кормил конфетами, возил в театр... И Лёля думала с упреком: «Зачем я его не люблю, сердцем не люблю? Он такой милый... И красивый даже, у него такие волнистые белокурые волосы... И не надо думать, что нос смешно шевелится, когда он говорит... Нет, я ужасно, ужасно гадкая».

Лёля воротилась с прогулки усталая и точно сонная. Ее утомил весенний воздух, запах молодых листьев, ранних цветов и сырой земли. Она знала северную весну, медленную, тихую. А эта пришла сразу, в один вечер, от теплого дождя. И яркий запах травы и листьев она не могла забыть. Ей хотелось спать, но спала она плохо и на другой день встала сердитая и скучная.

Дождь опять лил. У нее под окнами листья были совсем большие и блестяли от дождя.

Лёле весь день было скучно, нездоровилось... Она помнила, что Вася обещал прийти со скрипкой, ей хотелось, чтобы он не обманул, чтоб пришел. Случайно она продумала о нем целый день. Когда вечером позвонили – она покраснела. Вася явился розовый и свежий, серая домашняя курточка к нему шла. Они играли недолго, нот он не привез. Кончили. Вася убирал скрипку, Лёля сидела еще за фортепьяно и одним пальцем наигрывала что-то. Вася сразу увидел розовые щеки Лёли и подумал: «Ага, это хорошо; надо поговорить. Только бы не сплющить. А она ужасно миленькая».

Вася всегда думал коротко и ставил это себе в заслугу, он брал все, как оно есть, не заботясь ни о чем и не доискиваясь причин; он привык ухаживать за «барышнями» и понимал хорошо, как именно надо действовать в том или другом случае. Когда Вася никого не пленял – он делался ленивым и точно отупевшим; он ни о чем не думал, кроме того, что видел: «Вон собака бежит... Окно надо затворить... Блуза замаралась, чистую бы...» Вася не был даже хитер.

Но тут на него сошло вдохновение.

Он взглянул на Лёлю очень пристально.

– Вам жарко?

– Да... – сказала Лёля и покраснела еще больше.

Они помолчали.

– Лёля, – сказал он, – сегодня я здесь в последний раз.

Сказал – и сам испугался... А вдруг она ничего? Но Лёля быстро взглянула на него.

– Отчего? Отчего, Вася?

– Так. Я должен уйти. Быть вашей игрушкой, вашей забавой – я не могу...

– Но зачем забавой, Вася? Вы меня хотите огорчить... Я огорчусь, если вы уйдете...

– Правда ли это, Лёля?

– Да, огорчусь, честное слово... Вы верите? Вы не уйдете?.. Ну говорите же, нет?

Лёля сама плохо понимала, отчего она его так уговаривала, но чувствовала, что не шутя огорчится, если он уйдет.

– Я не знаю, Лёля, не знаю... Я вам напишу...

Он сам неожиданно стал волноваться. Лёля была такая хорошенькая в этот вечер.

Когда он ушел, Лёля не сразу легла спать. Она была взволнована, обижена... Она села писать стихи, потому что она была сентиментальна и любила Надсона, как в то время без исключения барышни любили его.

Он ушел. Я не знаю, как быть... –

писала Лёля. «Как мои стихи искренны всегда, – подумала она. – Ведь я самом деле не знаю, как быть».

Он оставил меня и забудет...

«Да, да, наверно. Ну а я?»

Тут Лёля задумалась. Какая рифма? Плыть, выть, любить... Любить. – Ну все равно. Ведь это поэзия, в стихах можно.

Ну а я? Я не могу ль разлюбить?
Пусть он это поймет и рассудит...

Дальше у Лёли пошло без затруднения. Почему ж это не любовь? Может быть, я в самом деле в него влюбилась, ну хоть на то время... И Лёля уже смело писала:

Струны сердца порвутся, звеня,
Коль узнаю, что он лицемерит.

Дальше струн в этот вечер дело не дошло, и Лёля легла спать, уверенная, что влюблена.

IV

«Как приятно все, что делается тайно и что запрещено», – думала Лёля на другой день, получив от Васи тихонько длинное письмо. Он хотел решительного ответа; или она смеется над ним? Лёля послала ему вчерашние стихи и вечером в книге опять получила письмо: «Лёля, вы любите? Не верю – и верю... Лёля, счастье мое...»

Она в первый раз получала такие письма. Ей было ужасно приятно, щеки не переставали гореть и сердце билось. К вечеру она решила окончательно, что влюблена, – и написала Васе длинное послание.

Одно Лёле было досадно: каждое утро, просыпаясь, она совсем не любила Васю, ей делалось скучно и стыдно; она хотела писать ему об этом – не решалась; а приходил вечером Вася, присылал письмо или сам приносил его, чтобы тихонько передать прощаясь, Лёля писала ответ, стихи – и чувствовала себя, совсем-совсем влюбленной – до следующего утра. Она старалась вставать как можно позднее, чтобы вечер скорее пришел. За обедом Лёля была очень весела и радостна, если чувствовала себя не совсем равнодушной; но чаще сидела сумрачная, обдумывая, как она вечером будет объясняться с Васей и «честно» скажет ему, что не любит. Она почти не слушала длинных и необыкновенно умных рассуждений Николая Николаевича; он любил высказывать свои взгляды на политику, на общество; говорил о Боге, о литературе и преимуществах быть генеральным агентом; иногда он сам запутывался во множестве мыслей, которые высказывал; тогда всем становилось стыдно, Марья Васильевна не имела мужества сразу переменить разговор и молчала; Лёля начинала улыбаться, а Николай Николаевич так и не находил своей нити; но он не конфузился, смеясь брал Лёлины руки и целовал их. А тетя, старая, высохшая дева, влюбленная в Николая Николаевича, с гордостью смотрела на него: она в серьезных разговорах мало понимала; Николая Николаевича она называла мысленно «прекрасным объектом любви» и свято верила в его мудрость.

Николай Николаевич был влюблен в Лёлю. Не то что влюблен, но он рассчитывал на ней жениться. Всех подростков, знакомых Лёли, он называл презрительно «пшиками», он был убежден, что его карьера и золотые тысячи победят всякое сердце. Поэтому он не торопился и часто мечтал по вечерам, как будет рада Лёля, когда он наконец ей сделает предложение. А на бедную старую деву он не обращал вниманья, хотя позволял ей ухаживать за собой и подчас даже слегка кокетничал с нею. Уж очень она его обожала, а Николаю Николаевичу всякое обожание было приятно.

Лёля выпросила у мамы позволение кататься верхом с Васей, Лёля заранее мечтала об этом наслаждении: «одна, с любимым человеком...» Но когда они поехали – ей показалось не так уж хорошо: это была утренняя прогулка.

Раз в Страстную субботу Вася привел лошадей к вечеру, Лёля была так рада. Наступила настоящая весна; белые акации расцвели за соседним забором; под окном у Лёли распустились сирени; ей даже душно было от них иногда; весь город благоухал розами; казалось, что дома, улицы, разносчики грузины с длинными носами, грязные «кинто» – все пахло розами. Особенно силен был запах утром, когда солнце еще не грело, а только светило, и улицы поливали водой. Кругом города, на невысоких горах выросла свежая, светлая травка, солнце не успело ее сжечь.

Солнце стояло уже низко, когда Лёля и Вася проехали длинную пыльную улицу, минули небольшой загородный сад у берега реки и выехали в поле. Лёле было весело и как-то особенно хорошо; она радовалась и весне, и вольному небу, и Васе, и тому, что едет верхом.

– Поедемте туда, на те горы, – сказала она. – Видите, вон маленькие, зеленые, за них солнышко садится. Поедемте туда.

– Лёля, те горы далеко и дороги нет там...

– Вздор, мы поедем по лугу скоро-скоро, а там увидим, что делать.

И они помчались так быстро, что дух захватывало. Доехали до зеленых гор. Дороги действительно не было. Но Лёля не захотела вернуться, и привычные лошади бодро пошли в гору прямо по траве.

Приходилось то подниматься, то спускаться в овраг; раза два Вася под уздцы переводил Лёлину лошадь через шумные ручьи. Становилось прохладней. Пахло сыростью и горькой полынью; Лёля просила Васю нарвать ей желтых одуванчиков и белых длинных цветов; их было много. А сирени ее, которые она взяла из дому, стали увядать и сделались еще душистее. У Лёли от них даже голова немного кружилась. Лёля больше всех цветов любила сирень. «У цветка запах – как у человека характер, – думала она. – Фиалки – те завистливые, от их запаха завидно делается; ландыши – добрые, только ленивые какие-то; от лилий хочется спать – я их не люблю, а сирень хорошая, самая хорошая; когда нюхаешь сирень – точно вспоминаешь что-то милое и дорогое, что, может, и не было никогда, а все-таки вспоминаешь...» Оттого Лёля любила сирень.

Они ехали все дальше и дальше. У них шел живой разговор. Собственно говорила Лёля, а Вася молчал и «обижался». Хороший способ с барышнями – обижаться, это он по опыту знал. С Лёлей, впрочем, у него иногда совсем не выходило, и Вася недоумевал; но потом опять как будто налаживалось. Что ему нужно меньше говорить – это Вася чувствовал, несмотря на свою небольшую сообразительность. И Лёля говорила за него и за себя.

Они рассуждали о поцелуях. Лёля горячилась, даже приводила какие-то стихи, вероятно, тоже Надсона. Вася молчал сосредоточенно, делая вид, что, хотя и не согласен, но спорить ему тяжело.

Надо сознаться, что и самую речь о поцелуях начала Лёля. Она, конечно, не хотела целоваться, нет, да разве она позволит когда-нибудь? Но все-таки ей было ужасно жутко и любопытно говорить об этом, да еще с Васей: она ведь ему призналась в любви...

Лёля никогда не воспитывалась ни в одном учебном заведении, не имела подруг, романов Золя не читала и имела о жизни, а о любви в особенности, самое наивное представление.

В ее годы это казалось странным и даже некрасивым порою. Многие не верили в ее наивность и говорили, смеясь, что она притворяется; иным, более глубоким, это нравилось; а Вася ровно ничего не думал. Ему было все равно. Но заикнуться первый о поцелуях он бы тут не решился, несмотря на свою опытность с барышнями; дело в том, что он неожиданно влюбился в Лёлю на самом деле и оттого сразу потерял свою смелость; он путался, хотел даже начать

соображать – не сумел, бросил; при Лёле он решительно терял нить и не знал, как себя держать. Под конец он махнул рукой, предоставив себя на волю Божию.

– Дальше нельзя ехать, Лёля, обрыв, посмотрите, как хорошо.

На краю обрыва точно было хорошо. Внизу лежал весь город, уже в тени и покрытый туманом; дальше виднелись большие, темные горы: далеко от них было; желтое солнце еще не спряталось, но казалось таким добрым, что Лёля могла увидеть чью-то могилу; она подъехала ближе, наклонясь к высокой серой плите – надпись нельзя было разобрать.

– Отдохнем здесь, – сказал Вася, – хотите?

– Да... Здесь славно... Отчего это только одна могила? И так высоко.

– Может быть, самоубийца какой-нибудь... И креста нет, видите...

– Мне было бы грустно лежать здесь, – сказала Лёля.

Лошадей к кусту привязали, Вася сел рядом с Лёлей, на могильную плиту. Лёля немножко устала; ей было хорошо; она рассеяно нюхала букет и смотрела на Васю. А он положил голову на руки, наклонился и был грустен. Они оба молчали. Солнце зашло. Горы еще потемнели и небо сделалось серое. Чуть заметная звездочка показалась... Скоро надо было ехать домой. И вдруг Лёле до слез стало жалко чего-то – вечера, себя, Васю, ведь он так грустен... Она неожиданно для себя, прижалась головой к его плечу и тихо сказала:

– Вася, если бы вы знали, я вас так люблю...

Потом она почувствовала, что он обнял ее, целовал в лицо. Она не противилась. Она думала про себя: «Ведь это поцелуй, поцелуй любви... Только зачем я думаю теперь, ни о чем не надо думать... И все-таки это мало похоже на роман, там как будто лучше... Или я его не люблю?» Не люблю... Ей стало страшно; она не хотела думать так – и оттого думала: с каждым поцелуем она повторяла: – не люблю... не люблю... Господи, неужели не люблю?..

Букет сирени упал на землю, короткие сумерки кончились, наступила ночь. Лёля встала немного резко и отвернулась. Вася молча усадил ее на лошадь, они поехали. Им надо было торопиться. Едва выехали на дорогу, пустились в карьер. Лёля сняла шляпу. Говорить некогда, да и не хотелось: им обоим было неловко и неприятно.

Дома Лёля ожидала выговора. Но мама встретила ее не упреком.

– Ну слава Богу, ты дома, а я думала, уж не разбила ли лошадь... Иди, раздевайся скорее...

Лёле были непривычны эти слова; мать редко говорила с ней так; видно, что уж очень испугалась. И Лёле вдруг стало больно и гадко на душе, гадко до слез. Она едва удержалась, чтобы не расплакаться, и поскорей ушла к себе.

В комнате не было лампы. Лёля открыла окна, стала переодеваться в темноте. Ей все время хотелось плакать; так любила она маму, так жалко ее было... Она не знает, думает, что я хорошая, а я вон какая... И зачем она так сказала, лучше пусть бы бранила...

Но в поцелуях Лёля не раскаивалась, хотя они ей совсем не понравились; она вообще редко раскаивалась. Не любила себя огорчать понапрасну, думать, как было бы хорошо, если бы... когда уж все равно.

«Как есть – так и пусть остается, – решила Лёля. – Поцелуй так поцелуй... Только вот мама зачем... Господи, чем бы помочь?»

Сказать матери ей даже не пришло в голову. Она ведь никогда не разговаривала с мамой по душе, откровенно... Она и начать не сумела бы, стыдно... Да и потом разве можно? Ведь это любовь, тайна...

Но это не мучило Лёлю; Лёле пришло в голову, что она целовалась в Страстную субботу, что если бы узнали? Кузен-школьник читал ей Ренана, иногда они вступали в длинные споры; Лёля была готова «освободиться от предрассудков», перестала бояться священника на исповеди, за всенощной не подходила мазаться миром. Но вечером все-таки читала «Отче наш» и не могла заснуть, не перекрестив подушку.

– Лёля, где ты? – сказала мама, входя в темную комнату. – Одевайся же, ведь пора: ты хотела к заутрене идти.

В церкви было уже много народу. Лёля с мамой едва могли пробраться вперед. Служба начиналась. Плащаница еще стояла посредине и дьячок мерно читал что-то. Кругом шептались, двигались; свечей еще не зажигали, но темные люстры смотрели с особенной торжественностью; все точно ждали чего-то. Лёля любила заутреню; она никогда не испытывала такого хорошего, отрадного чувства, как на заутрене; запоют «Христос воскрес» – и кажется ей, что все, другое – маленькое, неважное, что в этом «Христос воскрес» настоящая правда, глубокая, хорошая. Так и в этот раз: вспыхнула люстра, ударили в колокол где-то далеко, отворили двери, услышала Лёля в первый раз «Христос воскрес» – и ей стало стыдно за себя, за свою маленькую любовь: «Господи, неужели это все было? – думала она, вспоминая о Васе. – Отчего я теперь совсем другая... Как хорошо...»

Ей было стыдно и за кузена, который читал Ренана, и за себя, готовую «бросить предрассудки», и за самого Ренана. Она верила так искренно, так просто, что умер Христос, и вот теперь воскрес, и надо радоваться, надо молиться и любить Его...

Лёля пришла домой успокоенная и тихая. О Васе она совсем не думала, и поцелуи забыла. Едва успев лечь в постель – она заснула.

V

Каждое впечатление у Лёли было очень ярко, но оно скоро проходило; она не могла мучиться чем-нибудь долго; она одинаково забывала хорошее и худое. Так, на другой день она еще помнила свою радость на заутрене, но о поцелуях мало заботилась; ей начинало казаться, что это не с ней случилось, а с какой-то другой, что ей только рассказывали.

Когда Вася пришел в очень узкой новенькой парусиновой блузе, смущенный и розовый, она встретила его весело и просто, что Вася даже рот раскрыл и усиленно стал затягивать и поправлять пояс; он ему всегда служил прибежищем в затруднительных случаях. Вообще Вася был сложен на диво; у него была такая талия, что Лёле ужасно хотелось спросить иногда, не носит ли он корсета?

«Что она, притворяется, что ли? – подумал Вася. – Даже не смутилась... И это после вчерашнего вечера, когда все было, пошло, пошло так хорошо... И главное, сама же она... А теперь вон как...»

Решительно Вася был недоволен этой неудобной любовью... Все какие-то неожиданности; не знаешь, как себя держать...

На несчастье свое он не шутя влюбился в Лёлю.

Уйти бы, бросить бы – да нет, не хочется.

Прошла неделя, Вася молчал – Лёля держала себя просто и весело. А ей казалось, что она уже совсем не влюблена, и тогда ей становилось ужасно жаль, досадно и скучно, скучно... С этой любовью она было перестала скучать... Она приносила как можно больше цветов в свою комнату, высокую и просторную, долго писала дневник, по вечерам, когда в доме все лягут, и порой сидела до зари у открытого окна. Тогда ей казалось, что она опять влюблена, и она воображала себя уже не собой, а какой-нибудь героиней романа и смотрела на себя издали, со стороны, и радовалась. Это время она читала мало, своя жизнь ей была интереснее книги. Она ложилась в постель усталая и довольная.

Один раз, на заре, Вася приехал верхом к ее окну. Оно было полуотворено, как всегда. Лёля крепко спала. На пустынной улице было тихо, лошадь неслышно ступала по мягкой земле. Напротив, через высокий забор свешивались длинные цветы белой акации. Небо холодело и блестело. Вася немного дрожал от предутренней свежести и волнения. Он не мог заснуть всю ночь, так был влюблен в Лёлю, и сам не знал, зачем приехал сюда.

«Ты спишь, дорогая», – подумал он. Это были не его слова, они ему вспомнились бессознательно, потому что выражали его чувства; своих он не мог придумать «с поэзией». «Что, если я брошу ей туда цветы? – И он сам испугался этой мысли. Рассердится... – Э, будь, что будет». Он сорвал несколько веточек акации и кинул через окно. Цветы мягко упали на ковер. Лёля открыла глаза, увидела цветы и сразу догадалась, кто их бросил. Она недавно уснула с мыслью о «нем» – и вот он здесь, под окном... Она тихо встала, подняла цветы, поцеловала их и положила их около себя на подушку... Надо бы затворить окно, потому что все-таки... как он смеет... Но так хочется спать... И Лёля крепко заснула.

VI

Утренние свидания стали повторяться часто. Вася приезжал верхом, бросал цветы; Лёля наскоро одевалась, подходила к окну, и они разговаривали шепотом. Иногда Васе приходилось бросать много цветов, чтобы вызвать Лёлю. Она слышала сквозь сон и топот лошади, и звук падающего на ковер букета, но не могла открыть глаза, думала: «Я сейчас, вот сейчас...» И засыпала на минуту. Потом вдруг, сразу проснувшись, ужасалась своему поступку: «Что я делаю, Боже мой? Ведь он ждет, он, любимый человек, а я сплю? Вот что значит поздно ложиться... О, как я его люблю...» И она бежала к окну и еще горячее признавалась Васе в любви. Эти свидания наедине сблизили их: у них была общая тайна, и Лёля даже немножко гордилась этим. Она позволяла Васе целовать себя, потому что он просил и потому что это было «принято»; она даже привыкла к поцелуям и, хотя признавалась себе втайне, что ничего тут особенно приятного нет, однако Васе ничего не говорила.

Николаю Николаевичу вдруг показалось, что Вася слишком хорошенький «пшик» и слишком часто бывает в доме его будущей невесты. Он решил это прекратить. Прежде всего он забыл имя и фамилию Васи, стал называть его то Ваней, то Костей и небрежно уверял, что Лёля, видно, еще совершенный ребенок, если находит удовольствие в его обществе. Лёля была очень обижена и за Васю и за себя; она не любила, когда ее называли ребенком.

«Нас хотят разлучить, – думала она, – пусть! Сердца наши они не могут разлучить. Я его никогда не разлюблю».

И Лёле казалось, что при мысли о разлуке она еще вдвое начинала любить его.

Аюнины должны были скоро ехать на дачу, а Вася поступал на военную службу и отправлялся через две недели в Киев.

– Что ж, вы можете расстаться, – сказал он Лёле в сумерках в ее комнате.

– Нет, нет, не могу... Но как же быть?

– Я вижу, вы можете... А я, вы знаете... Я вас не в шутку люблю, Лёля... Пусть я там какой ни на есть... А вот видите. Вот и конец...

И он вынул из кармана револьвер в желтом кожаном футляре.

Лёля страшно испугалась.

– Что вы, перестаньте. Я не люблю этих шуток.

– Я не шучу. Я серьезно говорю. Это легче, чем перенести разлуку.

Вася говорил искренно. Правда, ему хотелось тоже показать Лёле, что вот он какой и вот как ее любит; но чем дальше говорил, тем больше верил, что действительно хочет застрелиться, и даже жалеть себя начал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.